

Н. В. ШЕЛГУНОВ

Народник Якушкин

<...> «западные» идеалы не всегда обозначали прогрессивное направление. Карамзин был западником и, уж конечно, с Запада привез свои политические идеалы. Почему Карамзин из поклонника Руссо¹ превратился в крайнего «государственника», пока, кажется, не выяснено; но нужно думать, что государственная история Европы давала ему большую возможность создать целое последовательное изложение, отлить его, так сказать, из бронзы и построить на идеале большего видимого порядка и стройности, чем противоположная попытка, за которую взялся потом Полевой², желая поправить ошибку Карамзина. Стройность, устойчивость и крепость начал, на которых Карамзин воздвиг здание русской истории, не могла не производить на мысль такого же цельного и стройного впечатления. А если к этому присоединить еще и художественный талант Карамзина, то становится вполне понятным, какое воспитательное влияние на целый ряд поколений должна была иметь история Карамзина. Но «История государства Российского» была только половиной истории России, а история второй половины до сих пор еще не нашла своего историка. Карамзин встретил себе сильных противников не только между новыми писателями, как Полевой, но и между старыми.

Карамзин как выдающийся писатель имел громадное воспитательное влияние. Под его влиянием развился Пушкин, под его влиянием создались целый ряд исторических романистов с Загоскиным и Лажечниковым во главе, романами которых внеслось много фальши в понятия наших отцов и дедов³. Эта фальшь выдавалась за сознание народности, и в горячке охватившего тогда нашу литературу самообольщения всем казалось, что мы держим уже в руках своих народный идеал, с которым и вступаем сознательно в общую мировую жизнь.

